

UNITED WISDOM

Одно слово — разные понятия: ловушка сравнительного чтения

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-04-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Одно слово — разные понятия: ловушка сравнительного чтения

Эпиграф

> *«Слова, которые в переводах и словарях считаются соответствующими друг другу».*

Джон Локк, «Опыт о человеческом разумении», III.V.8. Краткий фрагмент; собственный перевод United Wisdom с исторического английского текста. Продолжение рассуждения о несовпадении сложных идей рассмотрено в разделе III.

О чём эта статья

Два автора говорят о мире, свободе или знании, и читателю хочется сразу увидеть общее учение. Иногда сходство действительно помогает найти общий вопрос. Но одно знакомое слово может обозначать разные предметы, связываться с разными противопоставлениями и позволять разные выводы. Особенно легко пропустить это, когда читаем несколько традиций в одном переводном языке. Статья предлагает проверять сходство по работе понятия в конкретном рассуждении. На выбранных фрагментах Аристотеля, Локка, Августина и Канта мы рассмотрим, почему имя ещё не составляет утверждения, почему словарное соответствие не гарантирует одинаковых границ и как слово «мир» меняет смысл вместе с целью текста. Речь не о полном обзоре этих мыслителей и не о нынешнем правовом определении мира. Это способ сравнительного чтения, при котором сходства становятся точнее, а различия не требуют объявления чужого текста бессмысленным. Мы сможем назвать, что именно сопоставили, на каких основаниях и какой вопрос пока оставили открытым.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Сходство, которое требует продолжения

Вообразим читателя, который собирает выражения о внутреннем мире, общественном мире и мире между государствами. Он видит повторяющееся слово и делает вывод: все авторы говорят об одном состоянии согласия. Это привлекательное начало, но пока лишь предположение. Кто именно находится в согласии, что считается его нарушением и какой результат требуется? Спокойный человек может жить в конфликтующем обществе; прекращение столкновения может не сопровождаться доверием; согласованный порядок может сохранять неравенство, которое другой автор считает недопустимым. Эти условные возможности не опровергают исторические тексты. Они показывают, какие вопросы исчезают, если слово заранее объявлено доказательством единства. Сопоставление становится содержательным, когда повторение открывает исследование, а не завершает его.

Есть и противоположная поспешность: заметив различие, объявить сравнение невозможным. Но различия могут быть понятными и пригодными для обсуждения. Два рассуждения способны отвечать на общий вопрос разными способами; либо использовать один термин для соседних вопросов. Тогда полезно назвать связь без полного отождествления. Например, оба текста обсуждают условия устойчивого совместного существования, но по-разному определяют, что делает эти условия достойными. Такая осторожная формулировка слабее лозунга о тайном единстве, зато позволяет читать дальше. Она оставляет место для согласия в одном пункте и расхождения в другом. Сравнение не обязано приносить одинаковый ответ, чтобы помогать пониманию; иногда его результатом становится точное описание того, о чём стороны действительно спорят.

Для этого нужно удерживать масштаб собственной работы. Четыре коротких фрагмента не представляют все античные, христианские и просветительские учения. Даже один автор меняет вопросы между произведениями. Мы можем сопоставить прочитанное место с другим прочитанным местом, сохраняя имена, редакции и границы. Вывод о целой традиции потребовал бы иной работы. Ограничение не мешает обнаружить полезное различие сейчас: оно помогает понять, какой вес это различие уже имеет. Если фраза взята из перевода, совпадение слов также может принадлежать переводчикам. Читатель получает повод проверить путь передачи, вместо автоматического предположения, что знакомое звучание непосредственно соединяет мысли людей, разделённых языками, временем и задачами.

II. Имя, понятие и утверждение

В первой части «Об истолковании» Аристотель различает выражения, ещё не содержащие истины или ложности, и сочетания, в которых возникает утверждение. Отдельные имена не делают того же, что высказывание о существовании или свойстве. Во второй части он описывает имя как значимое по установлению. Это философский анализ речи, а не современная экспериментальная модель языка. Для нашей темы он позволяет поставить ограниченный вопрос: мы сравнили название или уже сравнили, что автор утверждает с его помощью? Написать одинаковое слово в двух колонках недостаточно. Нужно восстановить связи, благодаря которым оно участвует в мысли, и не приписать одному имени доказательную силу целого предложения.

В этой статье понятием будем называть рабочее устройство различения: что включается, что исключается и как употребление связано с другими суждениями. Это редакционное определение для чтения, а не реконструкция полной теории понятий у Аристотеля. Представим условные заметки двух организаций. В обеих написано «самостоятельность». В первой речь идёт о выполнении задач без подсказок; во второй — о праве выбирать цели. Одно название ещё не показывает, совпали ли понятия. Человек может успешно выполнять поручения и не определять, какие поручения принимать. Чтобы понять различие, нужно спросить о признаках, случаях и выводах. Тогда текст отвечает на вопросы, которых отдельная словарная строка не содержала.

Утверждение добавляет ещё одну работу: сообщает, что именно верно, возможно или желательно. «Самостоятельность полезна» и «самостоятельность здесь разрешена» отличаются даже при одинаковом понимании слова. Первое оценивает, второе устанавливает условие действия. При сравнении традиций эту разницу легко потерять, если собрать только выразительные существительные. Иногда автор описывает опыт, иногда рекомендует образ жизни, иногда объясняет устройство реальности. Их фразы могут касаться одного предмета, но не отвечать на один вопрос. Поэтому полезно сохранить глагол и ближайшие оговорки вместе с термином. Такой маленький шаг не решает всю философскую проблему, однако делает сравнение точнее: мы начинаем видеть, какие обязательства несёт конкретное высказывание, а какие придумали сами.

III. Где заканчивается словарное соответствие

В III.V.8 «Опыта о человеческом разумении» Локк предупреждает, что слова, которые в переводах и словарях соответствуют друг другу, могут не выражать одну точно очерченную сложную идею. Он приводит также пример мер, названия которых удобно переводятся, хотя сами величины различаются. Это исторический философский довод, а не нынешняя статистика неточности словарей. Нам важна его форма: удобный переход между названиями ещё не гарантирует совпадения содержания. Словарь помогает начать чтение, но вопрос о границах понятия решается в употреблении. Исторические сравнительные оценки отдельных языков в этом параграфе не используются как утверждение об их нынешней полноценности или как основание культурной иерархии.

Граница становится видимой через случаи, которые один текст включает, а другой исключает. Возьмём придуманный термин «согласие». В одном описании оно означает отсутствие возражений на собрании; в другом — свободный и прямо выраженный выбор. Встречается один звук, но молчание участника попадает в понятия по-разному. Чтобы выявить это, полезен пограничный пример: человек присутствовал и ничего не сказал. Если один текст считает случай достаточным, а другой нет, найдено содержательное различие. Сам пример не устанавливает правильную норму для реального договора. Он показывает способ читать определение: искать не только положительное описание, но и обстоятельство, при котором применение слова меняется и вывод перестаёт следовать.

Однако один пограничный случай не исчерпывает понятия. Автор может предусматривать исключение дальше или использовать слово иронически. Поэтому найденную разницу стоит проверить в ближайшем контексте. Если основания недостаточно, мы записываем вопрос, а не назначаем окончательный ответ. Полезно также различать ошибку перевода и действительное расхождение авторов. Неудобная формулировка может скрывать близкую мысль; гладкая — соединять разные. Без проверки оригинала нельзя уверенно решить любой такой случай. Но и не владеющий исходным языком читатель может заметить необходимость проверки, сохранив два предложения целиком. Его работа уже полезна, когда он не превращает найденное сомнение в доказательство полной несовместимости и не скрывает его за привычным словом.

IV. Несколько видов мира у Августина

В начале XIX.13 «О граде Божием» Августин перечисляет мир тела, души, семьи, граждан и небесного града, связывая их с определённым порядком. В историческом переводе Маркуса Додса мир небесного града относится к наслаждению Богом и друг другом в Боге. Это богословское рассуждение, а не перечень современных политических или психологических показателей. Его различия нельзя стереть общей фразой о хорошем настроении. Также нельзя автоматически принять описанный порядок правящих и подчиняющихся за нынешнюю норму семьи. Мы читаем ограниченный фрагмент исторического автора: собственные практические нормы требуют своих оснований. Важно увидеть, как одно слово получает разные отношения и включается в определённый горизонт смысла.

Предположим, читатель выделил только формулу о покое порядка и поместил её рядом с современной фразой «я наконец успокоился». Между ними возможен личный отклик, но текстовое соответствие пока не установлено. В историческом фрагменте порядок касается не только ощущения человека и включает основания, которые краткое самоописание не обязано принимать. Можно сказать, что оба выражения позволяют задуматься о согласованности, сохраняя разные предметы и критерии. Нельзя без дополнительной работы утверждать, что Августин описывает психологический метод расслабления. Ценность встречи с текстом не требует такого расширения. Напротив, явная граница позволяет заметить незнакомую мысль вместо того, чтобы возвращать себе привычную под чужим именем.

Здесь возникает трудность для любых сравнительных цитат: самая удобная фраза может скрывать больше всего различий. Если читателю предлагают «мир» без указания вида и основания, он сам достраивает недостающее. У одного достройка будет религиозной, у другого политической, у третьего личной. Общий разговор может выглядеть согласованным, пока никто не уточнил вывод. Поэтому полезно возвращать формулу в предложение и место книги. Какой порядок обсуждается? Чьё согласие требуется? Что считается высшей целью? Можно не соглашаться с ответом и всё же понять его. Такое чтение сохраняет достоинство исторического текста, поскольку не требует от него подтверждать всё, что сегодня хочется связать со знакомым словом.

V. Мир и перемирие в первом условии Канта

В первом предварительном положении «К вечному миру» Кант отказывается считать полноценным миром договор, сохраняющий скрытый материал для будущей войны. В прочитанном историческом переводе Мэри Кэмпбелл Смит такая договорённость считается лишь приостановкой враждебных действий, а не миром. Это философский политический проект 1795 года, а не действующее юридическое толкование нынешних соглашений. Мы не прочитали здесь весь труд или все его условия. Для сопоставления достаточно выбранного различия: важен не один ярлык договора, но отношение прекращения конфликта к намерению продолжить его. Статья не применяет этот фрагмент для оценки конкретной современной войны. Она показывает, какую дополнительную работу понятие выполняет внутри аргумента.

Представим условный разговор двух участников общего дела. Они объявили прекращение спора, но один намерен возобновить его при первом удобном случае. Другой может понять сообщение как завершение конфликта, хотя стороны согласились лишь о нынешней паузе. Это современная аналогия, а не доказательство, что частный разговор подчиняется всем положениям кантовского проекта. Она помогает увидеть значение различения между состоянием сейчас и условием продолжительности. Само слово «мир» не сообщает, какие обязательства приняты. Нужно узнать, что прекращается, что сохраняется и по каким основаниям участники считают договорённость устойчивой. Иначе общая похвала одному слову маскирует разные ожидания, которые обнаружатся только при следующем затруднении.

Теперь сравнение с Августином становится более точным. В выбранном фрагменте Канта вопрос поставлен о договоре между государствами и сохранённой возможности будущих враждебных действий. В выбранном фрагменте Августина слово распределено по нескольким видам упорядоченного отношения и включает богословскую цель. Оба текста позволяют думать об условиях мира, однако этого недостаточно для одинакового определения. Мы пока не сравнили все политические положения Канта со всеми рассуждениями Августина. Не следует заполнять этот пробел большим выводом. Ограниченный результат уже есть: одно переводное слово соединяет вопросы разного устройства. Поэтому нам нужны обозначение предмета, ближайшее противопоставление и заявленное основание, прежде чем утверждать совпадение или противоречие между авторами.

VI. Что позволяет выводить выбранное понятие

Понятие узнаётся также по тому, какие шаги рассуждения оно разрешает. Если назвать ситуацию мирной, можем ли мы перестать ожидать нападения, признать порядок справедливым, сказать, что человек чувствует спокойствие? Это разные выводы. Один текст может поддерживать первый, другой второй, а третий обсуждать только последний. Присутствие слова не переносит все выводы вместе. Чтобы проверить связь, полезно продолжить высказывание формулой «поэтому». Если продолжение неожиданно меняет предмет или добавляет неоговорённое условие, обнаружен скачок. Это авторский приём чтения, а не формальная процедура доказательства. Его задача — сделать заметным переход, который раньше проходил незаметно благодаря знакомому звучанию и положительной оценке слова.

В условной заметке написано: «в комнате тихо, поэтому все согласны». Часть наблюдения относится к звуку, вывод — к позиции людей. Между ними требуется основание; тишина сама его не содержит. Возможно, согласие действительно выражено раньше, возможно, никто не хочет говорить или участники устали. Нельзя назначить одну из этих возможностей фактом по короткой фразе. При сравнительном чтении похожий скачок происходит между «согласованностью», «миром» и «справедливостью». Если автор сам обосновывает переход, его довод нужно прочитать. Если мы добавили переход, его нельзя приписывать источнику. Так смысловое сходство отделяется от удобства нашего собственного рассказа, и аргумент возвращается тому, кто действительно его произнёс.

Это не означает, что понятия должны существовать в непроницаемых коробках. Один автор вправе строить связь между спокойствием, порядком и справедливостью, другой спорить с ней. Но связь требует самостоятельного рассмотрения. Нельзя сначала назвать разные слова синонимами, а затем предъявить вывод как доказательство их равенства. Полезно записать промежуточное утверждение и его основание: почему из данного отношения следует именно такая оценка? Если основания исторические, богословские, правовые или личные, их различие сохраняется. В разговоре возможно соглашение по практическому шагу без общего мировоззрения. Однако это иной результат, чем тождество понятий. Его стоит назвать прямо, чтобы сотрудничество не зависело от выдуманного единства всех причин, по которым люди готовы действовать вместе.

VII. Описание и одобрение

Положительно звучащий термин способен соединять описание с одобрением незаметно для читателя. Слово «порядок» может обозначать устойчивое распределение действий, а может подразумевать правильное распределение. Слово «свобода» может называть возможность, а может оценивать желательный способ жизни. В конкретном тексте эти задачи могут быть обоснованно связаны. Но связь нужно прочитать, не получить в подарок от знакомого существительного. Если два автора одобряют «мир», это ещё не показывает, какие условия они считают достойными одобрения. В нашем ограниченном историческом сопоставлении нельзя стирать богословские основания одного текста или политические условия другого, чтобы получить одинаково приятную фразу. Одобрение становится точнее вместе с предметом оценки.

Представим вымышленное учреждение, где решения выполняются без видимого спора. Описание устойчивости может быть верным, но из него ещё не следует, что участникам доступны объяснение, несогласие и выход. Если мы назовём учреждение гармоничным, положительное слово может закрыть вопрос о распределении возможностей. В другой ситуации открытый спор сопровождается соблюдением правил и уважением, хотя выглядит менее спокойным. Эти примеры не устанавливают, как оценивать конкретную организацию. Они показывают, почему для нормативного суждения требуется отдельный критерий. Автор может считать отсутствие разногласия главным благом, другой — возможность обсуждать его. Общая похвала согласия тогда скрывает разные ответы на вопрос о достойной совместной жизни.

При чтении старого текста не нужно автоматически оправдывать всё историческим контекстом или запрещать себе нравственный вопрос. Можно сначала установить, что утверждает источник, затем отдельно назвать собственную оценку. Понимание не обязывает к одобрению; одобрение одной мысли не распространяется на все её основания. Если читатель берёт из исторического произведения полезный вопрос для нынешней жизни, адаптацию следует обозначить. Тогда она не выдаётся за точную передачу всей системы. Такая работа сохраняет возможность учиться и спорить одновременно. Она также защищает других людей от требований подчиниться старой иерархии только потому, что она была описана словом, которое в современном разговоре звучит тепло и обещает единство.

VIII. Не перепутать уровень вопроса

Различия могут возникать потому, что тексты говорят на разных уровнях. Один рассматривает состояние отдельного человека, другой отношения участников, третий устройство общества, четвёртый высшую цель жизни. Перенести вывод между уровнями можно лишь с дополнительным аргументом. Спокойствие человека не устанавливает мира между государствами. Устойчивый общественный договор не сообщает, как каждый его участник переживает день. Даже если уровни влияют друг на друга, влияние ещё не означает тождество. Для нашей статьи это редакционный вопрос о масштабе утверждения, а не завершённая социальная теория. Полезно спросить, кто или что является субъектом предложения, и сохранить этот субъект при пересказе, вместо расширения его до всех людей и всех времён.

Придуманный пример поможет проверить масштаб. Человек пишет: «Теперь я понимаю, зачем работаю». Редактор пересказывает это как доказательство, что в организации всем доступен смысл. Личное свидетельство превращается в коллективное положение без нужной опоры. Обратный переход столь же поспешен: из общей цели учреждения нельзя вывести удовлетворённость каждого сотрудника. При сравнении религиозных и философских текстов похожая ошибка появляется, когда переживание одного рассказчика становится учением всей традиции или системное положение приписывается внутреннему состоянию каждого последователя. Исправление начинается с возвращения масштаба. Кто именно говорил, о каком случае и в каком качестве? Эти сведения ограничивают вывод, но не уничтожают ценность самого сообщения.

Бывает, что разные уровни намеренно соединены. Автор объясняет, как устройство общества связано с личным благом, или как отношение к высшей цели меняет повседневное действие. Тогда задача читателя — увидеть мост, а не заранее объявить его невозможным. Мы можем сравнить способ обоснования такого моста у двух авторов. Возможно, они согласны о желательном результате и расходятся о механизме; либо предлагают сходный шаг ради разных целей. Такое сравнение точнее общей фразы, будто один текст говорит о душе, другой о политике и поэтому никакой встречи нет. Однако оно требует прочитанных переходов. Если мы располагаем только короткой цитатой, предполагаемый мост остаётся вопросом, а не частью установленного содержания источника.

IX. Противоречие тоже нужно установить

Не всякое различие является противоречием. Для противоречия важно, чтобы утверждения касались одного предмета в сопоставимых условиях и действительно исключали друг друга. Если один текст говорит о гражданском мире, другой о телесном покое, разные признаки ещё не создают прямого спора. Если оба говорят об одном договоре и один признаёт условие достаточным, а другой нет, основание для расхождения сильнее. Даже тогда нужно прочитать оговорки. Отрицание, добавленное переводчиком для ясности, может отличаться от отрицания автора. Поэтому сравнительное чтение требует сохранить целое утверждение, а не только одинаковые имена. Наш способ не доказывает автоматическую совместимость учений; он позволяет точнее назвать, где противоречие уже показано и где пока лишь предположено.

Также не следует объявлять два текста полностью совместимыми только потому, что их удалось развести по разным вопросам. Возможно, они действительно спорят о высшей цели, критерии справедливости или основании знания. Если прочитанный материал этого не устанавливает, нужен следующий фрагмент. Формула «каждый прав по-своему» иногда замыкает исследование столь же рано, как формула «они несовместимы». Она устраняет вопрос о том, что авторы считают истинным и почему. Полезнее сохранить конкретное незнание: сравнили употребление одного слова, но не сравнили общий критерий. Тогда читатель может искать следующий источник осмысленно. Неопределённость имеет адрес, и её можно уменьшать новой работой, вместо превращения в удобную мировоззренческую декларацию.

Встреча Аристотеля и Локка в нашей статье тоже требует этого внимания. Аристотель в первой части говорит о знаках и общности изображаемого ими опыта, тогда как прочитанный параграф Локка касается границ сложных идей и словарных соответствий. Из нескольких предложений нельзя получить полный суд о совместимости их теорий. Можно показать разные задачи выбранных мест и спросить, как каждая теория объясняет переход от имени к суждению. Это уже сравнительный результат. Он не превращает исторических авторов в сторонников одной современной процедуры и не назначает их прямыми противниками по всему вопросу языка. Точная граница защищает исследование от обеих удобных выдумок: полного согласия и полного разрыва, установленных без достаточного чтения.

X. Сходство после проверки

После уточнений сходство может стать скромнее, но содержательнее. Вместо утверждения, что два автора одинаково понимают мир, мы видим общий вопрос об устойчивости отношений и разные способы определить достойный порядок или прекращение враждебности. Вместо общего учения о словах — два ограниченных вопроса о знаках и соответствии сложных идей. Такая карта не отменяет интереса к единству человеческих поисков. Она помогает обсуждать его без присвоения чужой речи. Общность становится выводом с названной опорой, а не заранее обязательным итогом каждого чтения. Если сходства оказалось меньше, это тоже результат: теперь понятно, какие выражения можно сопоставлять и почему остальные требуют иной постановки вопроса.

Сравнение может помогать и в обычном разговоре. Люди обнаруживают, что одинаково произносят «ответственность», но один говорит о принятии последствий, другой о полномочии принимать решение. Уточнение может открыть нужный договор: кто решает и кто отвечает за результат. Это авторская условная аналогия, а не эмпирически проверенное средство устранения конфликтов. Реальное несогласие может сохраниться после полной ясности. Но оно перестаёт зависеть от подмены смысла: видно, какой вопрос люди понимают одинаково, а какой требуют решить. Иногда лучше назвать два разных понятия и договориться о конкретном действии, чем требовать, чтобы все приняли одну широкую формулу, в которую каждый всё равно вкладывает своё.

Сравнительное чтение поэтому можно понимать как движение между любопытством и проверкой. Знакомое слово привлекает внимание; предложение уточняет работу; контекст показывает границы; сопоставление выявляет общее и различное. Этот порядок не требует подозревать каждую красивую цитату. Он позволяет пользоваться ею осторожно и возвращаться к источнику, когда вывод становится сильнее. Другой текст не обязан служить подтверждением нашей любимой мысли. Он может дать новый вопрос, ограничить уверенность или предложить основание, которое мы пока не принимаем. Уважение к традициям проявляется в возможности такой встречи. Мы читаем разные голоса и допускаем, что их различия останутся значимыми даже после того, как одно переводное слово перестало вводить нас в заблуждение.

Что это значит на практике

Для добровольного упражнения выберите два коротких фрагмента с одинаковым важным словом. Сохраните целые предложения, соседний абзац, имя автора, название произведения и переводчика. Запишите по одному вопросу к каждому: что обозначается, с чем противопоставляется, какое суждение высказывается? Не нужно начинать с оценки всей традиции. Если исходный язык не проверен, отметьте это. Упражнение организует чтение; его психологическая эффективность или влияние на качество решений здесь не установлены. Можно ограничиться одной парой и остановиться, если дальнейшая запись сейчас не помогает или превращает интерес в обязательное доказательство одинаковости всех текстов.

Затем предложите пограничный случай. Что один фрагмент назвал бы этим словом, а другой мог бы исключить? Используйте только то, для чего есть основание в прочитанном месте. Если ответ потребовал догадки, назовите её. Проверьте ближайший вывод: можно ли после этого слова написать «поэтому», не добавив нового условия? Разделите описание, одобрение и практическое требование. Для профессионального решения такая домашняя карта не заменяет соответствующую проверку. Для разговора с другим человеком можно уточнить его личное употребление, не требуя представлять весь язык или историческую традицию. Его ответ относится прежде всего к нынешнему высказыванию.

В завершение напишите три короткие строки: найденное сходство, найденное различие и оставшийся вопрос. Например: оба текста касаются устойчивых отношений; основания оценки различны; условия общего действия ещё не сравнивались. Это пример формы, а не готовый вывод о любых авторах. Оставьте ссылки и прежнюю формулировку рядом, чтобы новую информацию было куда добавить. Если хотите использовать цитату публично, сохраните оговорку, от которой зависит смысл. Достаточно точный ограниченный результат полезнее окончательной декларации без опоры. Вы можете ценить найденное сходство и одновременно оставить другому тексту право сказать больше или иначе при следующем чтении.

Ключевая цитата

> *«Мир всех вещей — покой порядка».*

Августин, «О граде Божием», XIX.13. Собственный перевод United Wisdom краткого предложения из английского перевода Маркуса Додса. Богословский и исторический контекст не заменён современным психологическим значением слова «покой».

Связи между традициями

Сопоставление	Что можно сравнить	Что не следует отождествлять
Аристотель, «Об истолковании» 1–2 — Локк III.V.8	Работу имени и связь с содержанием	Знак опыта и границы сложной идеи рассматриваются в разных задачах; полная совместимость теорий здесь не установлена.
Августин XIX.13 — Кант, первое предварительное положение	Условия мира в выбранных фрагментах	Упорядоченные отношения с богословской целью и различие договора/перемирия не дают одного определения.
Аристотель 1 — Августин XIX.13	Имя и утверждение о его предмете	Анализ речи не подтверждает богословского основания перечисленных видов мира.
Аристотель 1–2 — Кант, первое положение	Название договора и условие суждения о нём	Имя не устанавливает выполнение политического требования; исторический проект не является нынешним правовым решением.
Локк III.V.8 — Августин XIX.13	Совпадение слова и различие границ	Словарный вопрос и несколько видов порядка различны; общий термин не означает единый предмет.
Локк III.V.8 — Кант, первое положение	Соответствие названия и различающий критерий	Удобный эквивалент не переносит вместе все условия аргумента о мире и будущей враждебности.

Первоисточники

1. Аристотель, On Interpretation, parts 1–2. Исторический перевод E. M. Edghill; прочитаны выражения, утверждения и имя по установлению. Не полная теория психики и не сверка греческого текста.

2. Джон Локк, An Essay Concerning Humane Understanding, III.V.8. Исторический английский текст; параграф прочитан с соседними §§7–10. Не полный обзор языков или чтение всей книги.

3. Августин, The City of God, XIX.13. Перевод Marcus Dods, издание 1887 года под редакцией Philip Schaff, редакция New Advent. Прочитаны начало перечня видов мира и заключение о временном/вечном мире; не полный трактат и не сверка латинского текста.

4. Иммануил Кант, Perpetual Peace, First Section, preliminary article 1. Перевод M. Campbell Smith, первое издание 1903 года, показанный перепечатанный экземпляр. Прочитано первое положение с пояснением; предисловие R. Latta отличено от авторского текста. Не полное чтение эссе или сверка немецкого текста.

Теги

сравнительное-чтение, понятие, слово, значение, перевод, контекст, философия-языка, Аристотель, Локк, Августин, Кант, мир, перемирие, порядок, согласие, утверждение, словарь, границы-понятия, критерий, предпосылки, вывод, нормативное-суждение, описание, межкультурный-диалог, первоисточники, исторический-контекст, христианская-философия, политическая-философия, право-на-различие, United-Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.